

ПОЛИТИЧЕСКАЯ И КУЛЬТУРНАЯ ИСТОРИЯ ЗОЛОТОЙ ОРДЫ И ПРОБЛЕМА ОРДЫНСКО-РОССИЙСКОЙ ПРЕЕМСТВЕННОСТИ

Д.В. Васильев
(Россия, Астрахань)

В статье рассматриваются вопросы политической истории Золотой Орды и преемственности между Ордой и Московским государством. Золотая Орда возникла в ходе завоевательных походов монголов в 1235–1242 гг. Этноним «татары» трактуется автором как политоним, поскольку он заимствован из Китая. В статье описывается административное устройство Улуса Джучи, его хозяйственное развитие, культурная жизнь, выделяются основные этапы политической истории Золотой Орды. Автор приводит историографический анализ вопроса преемственности между Ордой и Россией.

The article examines the political history of the Golden Horde and the continuity between the Horde and the Moscow state. The Golden Horde occurred during the conquests of the Mongols in 1235–1242 years. The ethnonym «Tatars» is interpreted by the author as «political name» because it was borrowed from China. The article describes the administrative order of Jochi Ulus, its economic development, cultural life, highlights the main stages of the political history of the Golden Horde. The author gives a historiographic analysis of the issue of political continuity between the Horde and Russia.

Ключевые слова: Золотая Орда, Улус Джучи, Россия, история татар, культура, ислам, преемственность.

Key words: the Golden Horde, Jochi Ulus, Russia, the history of the Tatars, culture, Islam, continuity.

Возникновение государства. Решение о завоевании монголами обширных пространств Восточной Европы было принято на курултае – съезде родовой знати – в столице кочевой монгольской империи Каракоруме в 1235 г. Поход на запад был организован как общемонгольское дело – необходимо было добыть земли для Бату – первого сына Джучи, который, в свою очередь, являлся старшим сыном Чингисхана [40, с. 22–23]. В походе приняли участие многие царевичи из рода Чингиз-хана, а военным руководителем и помощником Бату был назначен выдающийся полководец Субэдэй-багатур. Численность армии Бату оценивается учёными в 50–60 тыс. человек [13, с. 387].

Завоевание сопровождалось страшными погромами и огромными человеческими жертвами. Первый удар был нанесён зимой 1236–1237 гг. по городу Болгару [16, с. 23]. После этого, в 1238 г. большая часть Северо-Восточной Руси попала под власть монголов, а в 1239–1240 гг. разгрому и разорению подверглось большинство городов южной Руси [19, с. 60–69].

Монгольские войска к 1240 г. сокрушили сопротивление половцев в Дешт-и-Кыпчак. Половецкая знать была поголовно истреблена [46, с. 247]. Сохранился подробный рассказ Джувейни о хане Бачмане, который развязал против монголов партизанскую войну в лесах на островах и на берегах Итиля, и хану Менгу пришлось снаряжать не только конницу, но и 200 кораблей для поимки и уничтожения Бачмана [27, с. 26–28]. Возможно, и сами половцы были практически поголовно уничтожены или, по крайней мере, вытеснены из донских и днепровских степей [22, с. 165–166]. Большая орда половцев во главе с ханом Котяном под натиском монголов отошла в Венгрию, где по договору с королём Белой IV приняла католичество и была расселена на западных границах государства. Но очень скоро Котян и его приближённые были предательски убиты в Пеште, а половецкая орда ушла на Балканы [29, с. 211]. Этническая ситуация меняется радикально – половцы уходят, а им на смену приходят восточные тюрки – кыпчаки, которые согласились на союз с монголами. И именно кыпчаки составили впоследствии этническую основу населения Золотой Орды.

После покорения Руси войска Бату вторглись в Европу. Во время европейского похода (1241–1242 гг.) монгольские войска прошли сквозь Польшу, Венгрию, Моравию, Австрию, Словакию, Хорватию, Боснию, Сербию, Болгарию. Дойдя до берегов Адриатического моря, Бату неожиданно поворачивает назад, на берега Волги. Возможной причиной этого стала смерть в Каракоруме Великого каана Угедея и необходимость участвовать в курултае, посвящённом выборам нового правителя Монголь-

ской державы. Кроме того, Европа вообще не являлась целью монгольского завоевания, поскольку главные мировые богатства того времени были сконцентрированы на мусульманском Востоке. И вся дальнейшая внешняя политика Золотой Орды свидетельствует в пользу стремления получить выход в Иран, в Центральную Азию, активно участвовать в ближневосточной политике [27, с. 31–47].

В 1242–1243 г. Бату вернулся в Поволжье и начал заниматься обустройством своего улуса. На севере граница его владений доходила до города Булгара и Башкортостана, а на юге – до Железных Ворот, т.е. до современного Дербента. Таким образом, держава Бату-хана простиралась с запада на восток от Дуная до Иртыша, а с севера – на юг от таежного Прикамья и Прииртышья до Кавказа и пустынь Средней Азии [13, с. 22–36].

Выбор Нижнего Поволжья как центра Золотой Орды был не случайным. Здесь пролегла магистраль древней караванной торговли, в дельте Волги существовал торговый город Саксин (Саджсин), являвшийся главным перевалочным пунктом на Великом Волжском торговом пути и северном маршруте Великого Шёлкового пути из Китая в Европу [4, с. 264–269]. Устье Волги изобиловало рыбой. А самое главное заключалось в том, что культурная полоса, которая возникла на Нижней Волге, была так близка от степи, что здесь легко было сочетать оседлое и кочевое хозяйство.

«Золотая Орда» и «татары». Интересно, что государство никогда не имело официального наименования. В наиболее ранних источниках арабского происхождения название государства заменяется именем правящего хана с соответствующим этническим уточнением. Например, «Берке, великий царь татарский», «Токта, царь татарский» [39, с. 119–120]. Наряду с этим к именам ханов добавляются и географические уточнения, например: «Менгутемир, государь татарский в северных странах», «Узбек, владетель северных стран» [39, с. 103–104, 171]. В некоторых документах к имени правящего хана добавлялось название столицы: «царь Токта, владетель Сарая и земель кипчакских», «царь Узбек, царствующий в Сараях и северных областях» [39, с. 165, 171]. Европейские путешественники П. Карпини и Г. Рубрук, упоминая державу Бату-хана, пользуются старыми терминами «страна Команов», «Комания» или дают слишком общее наименование – «держава татар», «земля татар» [33, с. 70, 82]. Письмо римского папы Бенедикта XII адресовано следующим образом: «Его величеству хану Узбеку, императору татар», «Достойнейшей государыне Тайдолю, императрице северной Татарии» [13, с. 125]. Термин «Золотая Орда» появляется в русских летописях только со второй половины XVI в., когда этого государства уже не существовало [31, стб. 5–8].

Исторически так сложилось, что всюду, где появлялись отряды Чингиз-хана и его наследников, их называли татарами, хотя сами они называли свое государство монгольским, а себя монголами [28, с. 48, 123–124]. Татарами население Золотой Орды называли и русские летописи. После ее распада этноним «татары» автоматически перешел на население новых государственных образований с соответствующим уточнением (казанские, астраханские и др.) [13, с. 128]. Кроме того, «татары» – название тех же самых монголов, утвердившееся в XIII в. в Китае и довольно быстро распространившееся за его пределами. Проникновению именно этого названия в Европу и его повсеместному распространению, скорее всего, способствовали хорошо налаженные в средневековье торговые связи с Востоком. Видимо, купцы и были первыми информаторами европейского населения о появлении на исторической арене новой грозной опасности – «татар». Русские летописные источники по отношению к населению Золотой Орды всегда употребляли только одно обозначение – «татары». В западноевропейских источниках обычно также фигурирует это название, хотя Рубрук особо пояснял, что сами основатели улуса Джучи предпочитали, чтобы их называли монголами [13, с. 129]. Есть, однако, сведения, что в XIV в. среди городского населения золотоордынских городов Поволжья распространяется самоназвание «бесермен», связанное с восприятием ислама как основной идеологии.

Административное устройство и управление. На заре своей истории держава потомков Джучи являлась частью империи Чингизидов. Бату и его ближайшие пре-

емники обязаны были отчислять определенную часть доходов в пользу Великого каана. Они не могли чеканить свою монету (на монетах ставились имена Великих каанов), были ограничены во внешних сношениях и праве утверждения вассальных владык. Фактически, в ранний период существования империи Чингизидов (и Улуса Джучи как ее части) осуществлялся принцип коллективного владения правящим родом захваченными территориями. С целью поддержания единства чингизидов часто во владениях одного хана определялись земли, доходы с которых поступали в пользу другого хана [45, с. 31–34].

Как и армия, Улус Джучи делился на правое и левое крылья. Правое крыло в монгольском войске всегда было ведущим – отсюда и местоположение ханской ставки в пределах правого крыла. В Золотой Орде правое крыло составляли владения Бату и Шейбана. Левое крыло – владения брата Бату хана Орду-Ичена [13, с. 131]. Для монголов характерно соотношение территориальных понятий крыльев со сторонами света: передняя сторона – юг; задняя – север; правая – запад; левая – восток. Кроме того, каждая из сторон света имела определенное цветовое значение: юг – красный; север – черный; запад – белый; восток – синий. Поэтому владения Бату получили название Ак-Орда (Белая Орда), а Орду-Ичена – Кок-Орда (Синяя Орда). Это деление подтверждается и сведениями Рашид ад Дина: «Он (Орду) с войском и четырьмя братьями... составлял левое крыло армии, их до настоящего времени называют царевичами левого крыла» [45, с. 141–143].

Начальник области получал от хана в управление «улус» – т.е., людей, данных в управление и «юрт» или «нутуг» – территорию, которую населяли люди, входившие в улус при условии несения определенных военных и экономических обязательств [45, с. 43–44; 46 с. 240]. Улусную систему заложил еще Чингиз-хан, выделив в управление определенное число семей своим родичам и сподвижникам.

В XIII в. территория Орды состояла из 12 крупных улусов [13, с. 131–135]. Только огланы – царевичи – имели право на улус по рождению, прочие представители аристократии получали его как пожалование на условиях службы сюзерену вместе со знаком власти – золотой, серебряной или деревянной пайцзой. В XIII в. право на владение периодически подтверждалось. Обычно этот вопрос решался курултаем [45, с. 46–48]. Арабские историки сообщают о том, что в XIV в. вся территория государства была разделена на четыре крупные административные единицы – улуса, во главе которых стояли наместники хана – улусбеки [40, с. 348, 412]. Одним из них был беклярибек (беклербек, «царь над царями» – военный министр), следующим по значению сановником выступал везир (министр финансов). Две остальные должности занимали особо знатные или чем-либо отличившиеся феодалы. В настоящее время нам известны наименования этих четырех крупных улусов – улус Сарай – (в эту область входило Поволжье, которое являлось личным владением хана), улус Крым (одна из богатейших торговых областей), улус Хорезм (самодостаточная в политическом, культурном и экономическом отношении административная единица, которая влияла в значительной степени на духовную жизнь Золотой Орды) и улус Дешт-и-Кыпчак (степные пространства нынешних южнорусских и украинских степей) [13, с. 135–136].

Помимо этого, в XIV в. территория Улуса Джучи была разделена на 70 областей или улусов во главе с эмирами. Эмиры входили в состав дивана – государственного совета, возглавлял который везир. Если в XIII в. феодал владел улусом только по воле хана и мог легко лишиться своего владения, уйдя со службы или провинившись перед ханом, то в XIV в. владения эти – улус и юрт – слились воедино и стали неотчуждаемыми и наследственными. Такой мерой хан Узбек предполагал укрепить государство и упорядочить управление оседлыми территориями.

Политическая история. В целом, политическую историю Золотой Орды можно разделить на шесть этапов.

Первый этап. 1242–1282 гг. Это этап становления государства – время правления ханов Бату, Сартака, Улагчи, Берке и Менгу-Тимура. Бату прекрасно понимал, что от перманентных войн пора переходить к организации планомерной эксплуатации завоёванных земель. Необходимо было наладить действенную систему управле-

ния, налоговую систему. Как свидетельствует Плано Карпини, мордва, башкиры, волжские болгары были покорены Бату лишь после возвращения из европейского похода, а лезгины, аланы, черкесы сражались с завоевателями до второй половины XIII в. Только в 1260-х гг. было сломлено сопротивление галицких и волынских князей [30, с. 197]. Однако, уже в 1246 г. в некоторых русских княжествах была проведена перепись населения и установлены конкретные размеры дани в виде пушнины [33, с. 55].

Точная дата смерти Бату не установлена. Почти все историки относят это событие к 1255 или 1256 г. [47, с. 72, 79, 82]. Бату оставил после себя сыновей. Однако, на власть, помимо старшего сына – Сартака – претендовал ещё и брат Бату – Берке. Хан должен был избрать и утвердить курултай на основе старинных обычаев – власть должен был получить старший в роду (брат, племянник или кузен предыдущего монарха) [42, с. 108–111; 45, с. 69–70]. Поэтому после смерти Бату возник конфликт между сторонниками Сартака (а его кандидатуру поддерживал Великий каан Менгу) и сторонниками Берке (на его стороне стояла родовая аристократия Улуса Джучи). В скоротечной политической борьбе в 1259 г. одержал победу не Сартак, не его сын Улагчи, не его мать Боракчина, а Берке [27, с. 48–53]. Это знаменовало доминирование в Улусе Джучи воли местных аристократов в противовес власти общемонгольского каана. Это был ещё один шаг навстречу оформлению независимости. В целом, весь период правления Берке был наполнен сложной политической борьбой с Каракорумом во всех сферах жизни государства. Берке активно поддерживал Ариг-Бугу – одного из претендентов на трон в Каракоруме в противовес Хубилаю, а когда Хубилай занял престол, отказался ему подчиниться. Так, например, Берке сорвал проведение очередной переписи населения на Руси в 1262 г., поскольку она была организована Хубилаем [27, с. 83]. В Золотой Орде никогда не чеканили монеты от имени каана Хубилая.

Заслуживают внимания сведения о том, что Сартак исповедовал христианство (несторианского толка) и был противником мусульман. Берке же был мусульманином и опирался на поддержку мусульманского купечества [27, с. 61–66].

В годы правления Берке начались войны Золотой Орды с Ираном, где укрепились наследники хана Хулагу, брата Менгу-каана. Войска Хулагу разгромили Багдадский халифат, халиф Мустасим был казнён (Петрушевский, 1977, с. 232–233). Кроме того, ими было уничтожено гнездо секты исмаилитов-ассасинов в области Аламута. Однако, Берке считал все области к западу от Амударьи (в особенности – Арран и Азербайджан) своим владением, частью Улуса Джучи. Кроме того, мусульманин Берке не мог простить Хулагу казнь халифа и погром, устроенный им в Багдаде. Именно ко времени правления Берке относится установление дипломатических связей с Египтом, где тогда правил мамлюкский султан Бейбарс (кыпчак по происхождению). Два государства заключили союз против иранских монголов в начале 1260-х гг.

В годы правления хана Менгу-Тимура (1266–1282 гг.) политика Берке продолжалась в том же направлении – и в отношении улуса Хулагу, и в отношении Руси (в 1257–1259 гг. была проведена новая перепись населения). Самое же главное, что в этот период окончательно оформилась государственная независимость Золотой Орды.

Второй этап. 1282–1312 гг. Этап первого серьёзного кризиса в истории государства, связанного с именем темника Ногая и преодоления последствий этого кризиса (период правления ханов Туда-Менгу, Туле-Буги и Тохты). Звезда Ногай взойшла во время первых войн Золотой Орды с Ираном. Молодой и талантливый полководец, царевич Ногай был утверждён в должности беклярибека [42, с. 108–111; 45, с. 88]. Ногай был чингизидом, потомком Джучи и имел определённые права на трон. Став правителем правого крыла государства, Ногай проводил самостоятельную внешнюю и внутреннюю политику, устанавливал контакты с Египтом, с Византией, с Русью. Именно под его контролем на троне Золотой Орды были утверждены ханы Туда-Менгу, Туле-Буга и Тохта. Власть его была огромна. Русские летописи даже величали Ногаю «царём». Не желая или не имея возможности провозгласить себя ханом, Ногай явно стремился закрепить за собой правое крыло Улуса Джучи в качестве са-

мостоятельного государства [27, с. 112–140]. Этот процесс следует рассматривать как составляющую часть процесса распада Монгольской империи в целом. Лишь хану Тохте удалось вырваться из-под опеки Ногая в результате ожесточённого десятилетнего военного противостояния.

Надо отметить, что вопреки распространённому мнению, личное имя Ногая не имеет никакого отношения к наименованию народа ногайцев или ногаев. Слово «нохой» по-монгольски означает «собака». Это довольно распространённый тотем у тюркских и монгольских народов, в том числе и у племени мангытов, от которых произошли современные ногайцы.

Хан Тохта, который одержал победу над сепаратистами из лагеря Ногая, благодаря поддержке горожан Поволжья и Хорезма, провёл ряд реформ, укрепивших положение городов и городской торговой аристократии. Ханом Тохтой был заложен фундамент экономического обновления Золотой Орды. Именно в ходе экономических реформ Тохты в высшие политические сферы Золотой Орды выдвигаются мусульмане-хорезмийцы, такие как будущий беклярбек Золотой Орды Кутлуг-Тимур.

Третий этап. 1312–1359 гг. Период наивысшего политического и экономического подъёма государства и нарастания кризисных явлений в конце. Время правления ханов Узбека, Джанибека, Бердибека. В ходе обсуждения кандидатуры наследника Тохты в 1312 г. мусульманская партия обеспечила значительный финансовый перевес царевича Узбека, который исповедовал ислам. Затем Узбеку удалось подавить скоротечное вооружённое выступление недовольной аристократии. В ходе борьбы с внутренними врагами Узбек ввёл ислам в качестве государственной религии.

При хане Узбеке Золотая Орда вступила в новый этап развития. Его политика являлась продолжением начинаний Тохты в экономике, тем более, что проводилась она тем же человеком – Кутлуг-Тимуром. Была унифицирована денежная система, экономический центр государства в Нижнем Поволжье значительно укрепился. Денежные отношения проникают во все сферы жизни государства, наблюдается бурный рост городов, торговли, ремесла. Закончилось безраздельное господство кочевой аристократии. Ушёл в прошлое обычай созывать курултаи для решения наиболее важных вопросов. Появился диван – постоянно действующее правительство, усложнился чиновничий аппарат. Всё большую роль начинают играть не потомственные аристократы, а чиновники – эмиры. Власть стала передаваться по прямой линии – от отца к сыну.

Четвёртый этап. 1359–1380 гг. Период политической раздробленности и гражданской войны в Золотой Орде (в этот период на троне сменилось свыше двух десятков ханов). В результате длительного внутреннего мира и бурного экономического роста предшествующего периода появилось большое количество сепаратистов – эмиров, правителей областей, которые накопили достаточно средств для того, чтобы вступить в борьбу за власть или за провозглашение независимости своих улусов. Кроме того, столкновения вельможного придворного окружения ханов и участие высшей чиновничьей верхушки в дворцовых переворотах свидетельствуют о том, что наметился конфликт между ханской властью, стремившейся к абсолютизму и устремлениям эмиров и вельмож – представителей управленческого аппарата. Видимо, они стремились забрать все нити управления государством в свои руки и создать подобие олигархического эмирского режима властвования [45, с. 147]. Подтолкнул процесс Бердибек, который, вступая на престол после смерти Джанибека, уничтожил всех своих братьев и всех потомков Бату по мужской линии [45, с. 147]. В 1359 г., после гибели самого Бердибека, в Золотой Орде разразился невиданный династический кризис. Государство распалось на ряд самостоятельных улусов. Власть в западной половине государства захватил беклярбек Мамай, который действовал из-за спины подставных ханов, которых он произвольно менял на престоле. От государства отпали Волжская Болгария, Хорезм, Мордовия, прекратилась выплата дани Русью. В столице власть захватили выходцы из левого крыла государства. Борьба продолжалась до полного экономического истощения враждующих сторон.

Пятый этап истории Золотой Орды. 1380–1396 гг. Период кратковременной консолидации и подъёма Золотой Орды во время правления хана Тохтамышша. Хан

Тохтамыш был выходцем из аристократии левого крыла государства. Он сумел высидеть и получить власть благодаря поддержке всемогущего Амира Тимура, который хотел получить в лице молодого Тохтамыша верного человека на престоле Улуса Джучи. Утомлённая тотальной войной аристократия центральных областей Улуса Джучи приняла Тохтамыша в качестве законного хана. В 1380 г. Тохтамыш одержал победу над Мамаем и начал постепенно объединять и восстанавливать государство. Ему удалось на некоторое время восстановить территориальную целостность Улуса Джучи, вновь обязать Русь платить дань. Как при Тохте, была проведена денежная реформа, ликвидировавшая накопившиеся за годы раздробленности различия в денежных системах разных областей. Был подтверждён союз с мамлюкским Египтом и вновь Золотая Орда предъявила права на Азербайджан. Во внутренней политике Тохтамыш использовал авторитарные методы, подавляя недовольство провинций, что только временно маскировало противоречия. Однако главной проблемой, с которой ему так и не удалось справиться, была его зависимость от Тимура с одной стороны и необходимость следовать в русле традиционной внешней великодержавной политики Золотой Орды – с другой стороны. Тохтамыш вступил в борьбу за Азербайджан и Хорезм со своим бывшим покровителем, который также начал строить свою империю. С 1385 г. начинается серия войн между Тимуром и Тохтамышем. В тылу Тохтамыша постоянно возникают заговоры эмиров. Аристократы – оппозиционеры бегут к Тимуру, как, например, глава всей аристократии Кок-Орды эмир Едигей. В 1391 г. Тимур организовал поход на Золотую Орду и разгромил войска Тохтамыша в тяжёлой битве на реке Кундурче на территории нынешней Самарской области. Как ни странно, но после этой битвы и последовавшего усиления Тимура, аристократия Кок-Орды вновь изменяет ему и спланируется вокруг Эдиге и хана Тимур-Кутлуга, которого он поддерживал. Эти люди не хотели подчиняться ни Тохтамышу, ни Тимуру, боясь ущемления своих прав в собственных владениях. Это свидетельствует, что зародыши сепаратизма в годы правления Тохтамыша не были уничтожены окончательно.

В 1395–1396 гг. Тимур организовал второй поход на Золотую Орду и смог окончательно сокрушить силы Тохтамыша. Вновь одной из главных причин разгрома стала измена эмиров. Их неустойчивая политическая позиция, стремление к защите своих собственных интересов в ущерб интересам государства сыграли на руку Тимуру. В битве на берегах Терека часть эмиров перешла на сторону Тимура. Тохтамыш вновь изменили Едигей и Тимур-Кутлуг. Тохтамыш был разбит и вынужден был бежать. Войска Тимура огнём и мечом прошли по всей стране. Достоверно известно, что они разрушили все крупные города Золотой Орды, кроме Сарая и Сарайчика. Видимо, Тимур пощадил Сарай, так как планировал сделать его резиденцией Тимур-Кутлуга, который должен был стать марионеточным ханом. Сарайчик же сохранился, так как был центром владений Эдиге – Мангытского Юрта на реке Яик. Таким образом, помимо военного поражения, Тохтамыш потерпел политическое поражение из-за начинавшейся внутренней феодальной раздробленности Золотой Орды.

Шестой этап истории Золотой Орды. 1396 г. – середина XV в. Период агонии и распада государства. Самая яркая фигура на политической арене Золотой Орды этого времени – беклярибек Эдиге.

Разгром государства Тохтамыша вызвал очень большие бедствия и в степи. Разгром, учинённый Тимуром, вызвал отлив кыпчакского населения в Турцию, Русь, Литву.

Феодальная борьба 1360–1370-х гг. и война Тимура с Токтамышем, окончившаяся поражением Тохтамыша, оказалась губительной для золотоордынских городов. Экономика Золотой Орды во многом держалась за счёт доходов, которые приносило обеспечение трансконтинентальной торговли. В результате разрушения городских центров к северу от Каспийского моря и воцарения здесь политического хаоса, торговые пути переместились на юг, в пределы владений Тимура. Это лишило Золотую Орду даже потенциальной возможности возрождения.

Начало XV в. выдвинуло нового объединителя Улуса Джучи, которому удалось удержать на некоторое время в своих руках большую часть Золотой Орды. Это был Эдиге, правивший от лица своих подставных ханов-марионеток. Политика Эдиге, в

целом, была повторением государственной политики Тохтамышша – он также стремился объединить государство, провёл денежную реформу, но его мероприятия распространялись уже лишь на территорию Поволжья, он более заботился об обеспечении собственной власти над Мангытским юртом. Кроме того, сопротивление сепаратистски настроенной аристократии ему было значительно сильнее. В начале XV в. ни о какой сильной ханской власти не могло быть и речи. Власть мог захватить и некоторое время ее удерживать только авантюрист и интриган, достаточно удачливый и ловкий. Эта власть осуществлялась в обход сложившихся группировок вельмож и правительственных кругов. Не хан садился теперь на сарайский престол, вокруг которого борются олигархические группировки аристократии, а авантюрист с группой своих приверженцев, обосновавшихся в его орде, захватывал столицу и сажал там какого-нибудь лишённого всякой фактической власти Джучида. Власть сосредоточивалась теперь не в руках хана и его правительства, вельмож и придворных, а в руках темника, в его орде, где кроме его вассалов-нукеров и кочевых феодалов не было других значительных группировок феодалов.

Борьба ханских группировок привела к образованию новых государств на равнинах Золотой Орды, в которых к власти пришли представители различных ветвей дома Джучидов. В первой половине XV в. образовались Казахское ханство, Ногайская орда, выделилось Крымское ханство, Узбекские ханства, Казанское ханство, Сибирское ханство, в середине XV в. разделились Астраханское ханство и Большая Орда. До сих пор ведутся споры относительно точной датировки этих событий, однако можно определённо сказать, что в середине XV в. как самостоятельное политическое образование Золотая Орда перестала существовать [45, с. 161–167].

Хозяйственный уклад. В ранний период существования монгольского государства доминирующей формой хозяйства являлось кочевое скотоводство. Именно нуждами кочевого образа жизни определялись и границы улусов, вытянувшиеся с севера на юг. Европейские путешественники неизменно обращали внимание на большое количество скота у монголов. Скотоводство давало кочевникам все необходимое для жизни: мясо, шерсть, шкуры для выделывания кожи, кумыс. Помимо кумыса, кочевники употребляли также коровье, овечьё и верблюжье молоко. Шерсть домашних животных шла на изготовление одежды, войлочных ковров и покрытий юрт; из кож делали обувь, одежду, сбрую лошадей. Немалое место занимал в хозяйстве кочевников и охотничий промысел. Европейцев поражало, что монголы поедали буквально «все что бегает и прыгает»: волков, лисиц, сусликов, тушканчиков, антилоп (сайгаков и джейранов), диких ослов-куланов. Реки, вдоль которых кочевали ордынцы, снабжали их рыбой, что нашло отражение как в свидетельствах современников, так и в археологических находках на золотоордынских поселениях. У скотоводов в степях преобладали два основных способа ведения хозяйства – кочевой и полукочевой. Первый тип основывался на непрерывном кочевании, второй был связан с сезонными перекочевками и более длительными остановками. Гораздо слабее в ранний период существования Золотой Орды было развито земледелие. Карпини прямо пишет, что «хлебов у них нет, равно и овощей». Появление земледелия в Орде (расцвет его приходится на XIV в.) является еще одним свидетельством завершения процесса государствообразования, т.к. только комплексная экономика обеспечивала прочность государственного организма. По установлению хана Угедая монголы обязаны были выделять в год от каждого хозяйства по двухгодовой корове, от каждой сотни овец – по одной овце, от каждой тысячи – по одной дойной кобылице. Завоеванные народы облагались данью, которая в первой половине XIII в. собиралась как в пользу отдельных владык – чингизидов, так и в пользу Великого хана. Монгольские ханы уделяли большое внимание и торговле, как еще одному важному источнику обогащения.

Территория Золотой Орды в настоящее время уже не представляется в виде бескрайних степных пространств, сплошь заселенных кочевниками, где лишь изредка встречаются небольшие оседлые пункты.

Проведенные во второй половине XX в. археологические исследования в значительной мере дополнили содержащиеся в письменных источниках сведения о золо-

тоордынских городах. Данные нумизматики и средневековые географические карты позволяют идентифицировать археологические памятники с конкретными населенными пунктами. Прикаспийские и причерноморские степи издревле были местом обитания кочевников и до прихода монголов не знали развитой градостроительной культуры. В начале XIII в. эти степи представляли собой огромный кочевнический остров, окруженный со всех сторон оседлыми цивилизациями Руси, Волжской Булгарии, Хорезма, Северного Кавказа, Саксина и Крыма.

Огромная держава чингизидов практически полностью поставила под свой контроль Великий Шелковый путь. Привилегии, даваемые купцам, охрана торговых караванов на государственном уровне способствовали активизации и подъему торговли на обширных пространствах Евразии. Центрами торговли становятся города.

Города в Золотой Орде возникали, во-первых, как административные центры, во-вторых, как перевалочные пункты на трансконтинентальных торговых путях, и, в-третьих – как военные лагеря. Устойчивость городских центров и их многочисленность свидетельствуют о хорошо развитой внутренней экономической структуре и прекрасно налаженном обмене между городом и кочевой степью, который поддерживал существование городов и был выгоден как городскому, так и кочевому населению.

В.Л. Егоров, основываясь на данных археологии и письменных источников, выделяет ряд этапов градостроительства в Золотой Орде. 1. Период восстановления и использования старых городов, существовавших до прихода монголов – 40-е гг. XIII в. 2. Начало градостроительства в степях во время правления Бату – первая половина 50-х гг. XIII в. 3. Подъем градостроительства при Берке – с середины 50-х до середины 60-х гг. XIII в. 4. Период замедленного роста городов – с 70-х гг. XIII в. до начала второго десятилетия XIV в. 5. Расцвет градостроительства при Узбеке и Джанибеке – со второго десятилетия 60-х гг. XIV в. 6. Затухание и упадок градостроительства – с 60-х гг. XIV в. до 1395 г. [13, с. 62]. Таким образом, пик градостроительной активности в Золотой Орде, а, следовательно, и расцвет экономики приходится на первую половину – середину XIV в.

В.Л. Егоровым описано 110 золотоордынских городов, выявленных археологически. Причём 17 из них имели право чеканки монеты, т.е. играли определяющую роль в экономике [13, с. 108–109]. И этими цифрами число населённых пунктов далеко не ограничивается – существует ещё около 30 городов, известных по средневековым картам, но ещё не локализованных.

Культура Золотой Орды. Монгольское завоевание и образование Улуса Джучи привели к усилению интенсивности межэтнических и межкультурных контактов в Дешт-и-Кыпчак. Нижнее Поволжье оказывается центром формирования синкретичной золотоордынской культуры, вобравшей в себя традиции кочевых народов Великой Степи и урбанизированных регионов на её окраинах. Именно сплав воедино кочевой и оседлой культур, язычества и ислама, а также элементов других вероисповеданий привели к образованию этого своеобразного и неповторимого явления.

Культура Золотой Орды, как и любого другого государства, не представляла собой застывшего явления. Она развивалась и изменялась вместе с самим государством, отражая политические и экономические зигзаги общественной жизни. Прежде всего, необходимо отметить, что культура Золотой Орды отчетливо делится на кочевую и оседлую. В начальный период истории государства в нем преобладала почти исключительно кочевая культура. Дополнение ее оседлым компонентом происходило медленно, причем при самом непосредственном протекционизме ханской власти. Симбиоз кочевого и оседлого укладов в хозяйстве, тесный союз двух противоположных культур – кочевника и земледельца – и обеспечил мощь и процветание золотоордынскому государству на столь длительный период. Ведь Золотая Орда намного пережила все остальные улусы, на которые разделилась империя Чингиз-хана.

Большинство населения Улуса Джучи составили кыпчаки, и это служит объяснением тому, что в Золотой Орде государственным языком стал не монгольский, а кыпчакский, хотя монгольский язык до конца XIV в. сохранился в правящей и аристократической верхушке основателей империи. Это достаточно хорошо известно по находкам монет и памятников бытовой письменности.

Религиозная ситуация в Золотой Орде XIII в. была довольно сложной. Здесь в равной степени были представлены все основные мировые религии – ислам, христианство, буддизм, есть свидетельства присутствия в городах Золотой Орды иудеев [25, с. 78].

У тюркских и монгольских народов Золотой Орды был широко представлен шаманизм. Он предполагает наличие веры в возможность общения между людьми и духами через посредника – шамана [41, с. 266–291]. Это особая система верований, характеризующаяся делением Вселенной на три мира – Верхний, Средний и Нижний. Средний мир населяют люди, животные и птицы. Верхний и нижний мир – духи, с которыми могут общаться посредством камланий шаманы. Главное божество верхнего мира – Ульгень – творец Вселенной. Главное божество Нижнего мира – Эрлик, владыка подземного царства [36, с. 22–44]. Становление этой религиозной системы обычно относят к VI–VII вв., когда в центральноазиатских степях у древних тюрок возникает культ поклонения Вечному Синему Небу – Кок-Тенгри. Его имя встречается и в болгарских эпитафиях XIII–XIV вв., и в поэме Кул Гали «Кысса-и Йусуф» [11, с. 58]. Оно несколько не потеряло своего значения и в монгольское время, так как традиционной формулой, предварявшей содержание чингизидских ярлыков, были слова «силою вечного неба...» [2, с. 125–129.]

В золотоордынское время сохраняется и культ предков, традиционно представленный в кочевнической культуре евразийских степей. Он наиболее ярко проявляется в культе онгонов – духов-хранителей [33, с. 94].

Внешней оболочкой всего комплекса языческих верований золотоордынских кочевников было шаманство. Шаман или «кам» (по-тюркски) на правах избранника духов всегда претендовал на особую социальную роль в обществе, основанную на его сверхъестественных способностях жреца или колдуна, обладающего поддержкой духов. «Итак, прорицатели, как признал сам хан, являются их жрецами, и всё, что они предписывают делать, совершается без замедления», – писал о шаманах Гильом Рубрук [33, с. 175].

Ислам в Золотой Орде становится государственной религией лишь с 1312 г., во время правления хана Узбека [5, с. 16–22]. С самого момента образования государства в ханской ставке велась непрестанная борьба между представителями двух основных направлений в экономике, политике и культуре Золотой Орды – между старинной кочевой аристократией – блюстительницей кочевого родового уклада, старинных норм права и язычества и представителями знати, опиравшейся на купечество. Эти люди, обладавшие экономическим могуществом, сделав ставку на мусульманское купечество, были заинтересованы в развитии международной торговли, в появлении в Улусе Джучи городов как перевалочных пунктов на торговых путях, в установлении нового, предсказуемого порядка престолонаследия – передачи власти от отца к сыну. То есть, представители «торговой» партии были заинтересованы в превращении полукочевой монгольской империи в классический мусульманский султанат. Знаменем и идеологией этой группировки был ислам. Уже во времена правления Бату грамотные и образованные мусульмане проникают в государственный аппарат. Хан Берке, который исповедовал ислам, открыл ещё более активный доступ к власти для мусульман. Правление ханов-язычников – Менгу-Тимура и Тохты – ничего принципиально не изменило в отношении государства к представителям этой набравшей силу мировой религии. Официальная исламизация Золотой Орды при Узбеке окончательно ввела Улус Джучи в семью цивилизованных государств. Однако, процесс исламизации населения затянулся на долгие годы. До сих пор ислам у тюркоязычных народов России, являющихся наследниками культуры Золотой Орды, обладает некоторыми особенностями, корни которых восходят к доисламским временам. Однако, эти особенности воспринимаются современными мусульманами как органичная и неотъемлемая часть культуры ислама. Здесь речь идёт, прежде всего, о развитии у этих народов культе святых, о почитании «святых могил» – «ауля», которые появились здесь как заимствование из доисламских культов через обрядовую практику суфизма [3, с. 19–24]. Одной из основных особенностей восприятия ислама кочевыми народами, населявшими Дешт-и-Кыпчак, является широкое распространение суфизма и мистицизма, присущего ему [8, с. 5–12].

В XIV в. культурная жизнь государства начинает обогащаться новыми элементами на основе сплава различных достижений многих народов. Появляется целый ряд оригинальных предметов ремесленного производства. Развивается по собственному пути монументальная архитектура. Происходят определенные сдвиги в духовных, религиозных и общественных представлениях. Развивается и особый литературный язык, отражающий существование местных золотоордынских диалектов. Культура золотоордынского общества резко отличается от культуры других исламских стран своим отношением к женщине. Она принимает активное участие в управлении государством, наравне с мужчиной действует в общественной жизни, и, наконец, она не обезличена таким унижительным атрибутом, как паранджа.

Свидетельством возросшего уровня золотоордынской культуры конца XIV в. является такой яркий факт: Тимур после похода 1395–1396 гг. увел отсюда в качестве пленных в Самарканд огромное число ремесленников, среди которых было множество строителей. Результаты этого можно видеть на примере знаменитой самаркандской мечети Биби-Ханым, в которой явственно проступают черты золотоордынской архитектурной школы.

После распада Золотой Орды создались определенные этнические группы вокруг различных политических центров. Основу каждой из этих групп представляла часть единого целого бывшей Золотой Орды с добавлением местных субстратов, разных по количеству и массовости. Конечным итогом этого длительного и сложного процесса, завершившегося в XVI в., стали не только окончательная территориальная и этническая консолидация постзолотоордынских ханств, но и зарождение новых черт и направлений их культурного развития [14, с. 79–84].

В качестве примера можно отметить то, что новый толчок получило народное эпическое творчество, питавшееся героико-трагическими событиями недавней истории. Достаточно вспомнить яркий эпос об Эдиге. Основой его послужили древние народные традиции, а содержание подсказала сама жизнь ногайского народа, выделившегося из состава нивелировавшей национальные особенности золотоордынской империи.

Проблема исторической преемственности Орды и России. Одной из самых обсуждаемых и актуальных проблем в исторических исследованиях Золотой Орды является проблема её политического и духовного наследства, соотношения её с государствами-преемниками. Консенсус в науке по данному вопросу до сих пор не достигнут.

Многие представители старой русской исторической школы высоко оценивали роль Золотой Орды в становлении русского государства. К их числу относятся Н.М. Карамзин, Н.И. Костомаров и Ф.И. Леонтович. Именно Н.М. Карамзин, например, сказал: «Москва обязана своим величием ханам»; кроме того, он обращал внимание на значительное ужесточение политического режима Московской Руси по сравнению с предшествующим периодом, а также «ужесточение нравов», что, по его мнению, являлось свидетельством монгольского ига [18, т. 5, с. 365–384]. Н.И. Костомаров особо отмечал влияние ярлыков ханов Золотой Орды на становление законодательной традиции и на усиление авторитета русских князей, и в частности – московского великого князя внутри создающегося Русского государства [21, с. 41–47]. Ф.И. Леонтовичу принадлежит целенаправленное исследование калмыцких (ойратских) законодательных актов, в котором он стремится продемонстрировать влияние права Монгольской империи на формирующуюся русскую законодательную систему [24, с. 5–18].

Противником такой позиции является С.М. Соловьев, который не придавал значения золотоордынскому влиянию на складывание политических условий для воссоздания единого русского государства и на формирование внутривосточных отношений на Руси. В своей работе «История Руси» он совершенно не уделил внимания золотоордынскому фактору, влиявшему на внутреннюю и внешнюю политику русского государства, кроме тех моментов, где откровенно проявлялась разрушительная и негативная роль монгольского влияния – набеги, нашествия, карательные походы. Он, конечно же, упоминает о том, что русские князья были не самостоятельны в принятии решений и в вопросе о наследовании власти, что политика фактически

вершилась под влиянием ханских ярлыков, что налоги князья также собирали в пользу ханской казны. Тем не менее, С.М. Соловьёв говорит, что «у нас нет причины признавать сколько-нибудь значительное влияние (монголов) на (русскую) внутреннюю администрацию, поскольку мы не видим никаких его следов» [38, т. IV, с. 179].

В.О. Ключевский, который являлся учеником С.М. Соловьёва и его преемником на кафедре русской истории Московского университета, уже отмечал важность влияния монголов и объединительную роль Золотой Орды в русской истории, но в целом шёл по стопам своего учителя, на деле придавая мало значения золотоордынскому фактору, пытаясь объяснить истоки инноваций в политической и экономической жизни Руси не вне, а внутринациональными причинами [20, т. II, с. 18–22, 38–39, 44–45].

В числе сторонников взглядов С.М. Соловьёва необходимо также назвать М.А. Дьяконова. Нужно, однако, заметить, что он был не столь категоричен и более осторожен в суждениях [12, с. 148–149]. Известный историк русского права М.Ф. Владимирский-Буданов считал, что влияние золотоордынского права на русское было весьма незначительным [7, с. 101–103]. Напротив, В.И. Сергеевич поддерживал взгляды Костомарова. На этих же позициях стоял и П.Н. Милоков [37, с. 35–38, 252–256; 26, с. 165–166].

Большой вклад в изучение золотоордынского вклада в русскую историю внесли учёные «евразийского» направления в историографии. Их труды поколебали позиции «великодержавности» в отечественной истории. В частности, роль Золотой Орды в истории Руси рассматривал князь Николай Трубецкой [44, с. 18–19]. Согласно его мнению, процесс формирования московского государства вообще не доступен для правильного понимания и описания, если не учитывать политические основы и нравственные принципы, лежавшие в фундаменте построения Монгольской империи вообще и Золотой Орды в частности. Эренжен Хара-Даван, перу которого принадлежит жизнеописание Чингиз-хана, даже усилил мнение, высказанное Трубецким, сделав его более категоричным [48, с. 198–226]. Огромное значение роли монголов в русской истории придавал Г.В. Вернадский, в книге которого содержится специальный раздел, посвящённый влиянию Золотой Орды на Русь, на разные сферы и отрасли её политической, хозяйственной и духовной жизни [6, с. 222–260].

Л.Н. Гумилёв, продолжатель дела «евразийцев», ещё более возвысил роль монгольских традиций в русской истории, в некоторой степени дойдя до абсурда. Так, он полностью отрицал само существование «татаро-монгольского ига» и рассматривал ордынский период русской истории как некий добровольный союз Руси и Орды против католической Европы [10, с. 20–25].

В.А. Рязановский и Б.Д. Греков вернулись к позициям С.М. Соловьёва. В.А. Рязановский, как и Леонтович, тщательно исследовал монгольское право, но свел к минимуму его значение для Руси [34, с. 261–278; 35].

Б.Д. Греков так сформулировал свою точку зрения: «Русское государство во главе с Москвой было создано не при помощи татар, а в процессе тяжелой борьбы русского народа против ига Золотой Орды» [6, с. 224]. Конечно же, тут перед нами всего лишь другой аспект той же самой проблемы. То есть, автор признаёт огромное влияние в целом на историю Руси как вторжения монголов, так и существовавшей системы властвования, но не видит в этом ничего положительного, наоборот, Русское государство, по его мнению, формировалось под гнётом, вопреки действиям, устремлениям монгольской администрации и в разрез с основными положениями и установлениями монгольской государственности.

Г.В. Вернадский писал, что проблема монгольского влияния на Русь, безусловно, многокомпонентна [6, с. 222–260]. Мы сталкиваемся здесь с комплексом важных проблем. Прежде всего, оно проявилось в непосредственном эффекте монгольского нашествия – уничтожении городов и населения. В следующую очередь проявились последствия сознательной политики монгольских правителей для различных аспектов русской жизни. Кроме того, определенные важные изменения на Руси являлись непредвиденными результатами того или другого поворота в монгольской политике. Так, неспособность ханов остановить расширение Великого княжества Литовского,

безусловно, была фактором разделения Восточной и Западной Руси. Влияние монгольской модели государственности на Московию дало свой полный эффект только после свержения ордынского ига. Это можно назвать эффектом отложенного действия. Более того, в некоторых отношениях прямое татарское влияние на русскую жизнь даже возросло после освобождения Руси. Так, после падения Золотой Орды целые роды татар пошли на службу к московским правителям. И наконец, татарская угроза не исчезла с освобождением от Золотой Орды при Иване III. Еще почти три столетия Русь вынуждена была каждый год отправлять значительную часть своей армии на южную и юго-восточную границы; это отразилось на всей политической и социальной системе Московии.

Помимо этого, Московскую Русь можно назвать наследницей Золотой Орды и по территориальному принципу. Как писал Н.С. Трубецкой в книге «Наследие Чингисхана. Взгляд на русскую историю не с запада, а с востока», «Важным историческим моментом было ... распространение власти Москвы на значительную часть территории, некогда подвластной Орде, другими словами, замена ордынского хана московским царем с перенесением ханской ставки в Москву. Это случилось при Иоанне Грозном после завоевания Казани, Астрахани и Сибири» [44, с. 245].

Э. Хара-Даваном, продолжая и развивая эту мысль, писал: «...когда впоследствии это царство – (Джучиев улус.) – не только территориально, но и с монголо-туранскими народами, его населяющими – перешло под власть Московского царя, последний в глазах этих народов продолжал являться все тем же Белым царем Белой Орды, наследником Белых ханов» [48, с. 251].

На каких же основаниях народы, населявшие территорию распавшейся Золотой Орды, почитали Грозного царя законным наследником ханов Орды, ведущих свою родословную от Чингиса? Прежде всего, как это ни парадоксально прозвучит для современного человека, воспитанного на западнических трактовках русской истории, Иван Грозный, действительно, генеалогически был связан с родом Чингисхана, хотя, конечно, это была не настолько прямая и бесспорная связь, как у его современников – татарских царей на русской службе, чингисидов Шаха Али (Шигалея) и Сеин Булата (Симеона Бекбулатовича). Мать Ивана Грозного – Елена Глинская, вторая жена Василия III, была из рода обрусевших, крещеных татар, осевших в Литве. Одним из родоначальников Глинских был Мамай, который, хотя и не происходил из «Золотого рода» Чингисхана, но принадлежал к роду кият-борджигинов, находившемуся в прямом родстве с чингизидами. Мамай, кроме того, был женат на дочери золотоордынского хана Бердибека [43, с. 136–171]. Правда, родство с чингизидами по материнской линии не давало формального права на ордынский престол или даже на власть в любой провинции Орды, но тем не менее было фактом значимым, чрезвычайно повышавшим статус Ивана Грозного в глазах представителей монгольской политической традиции, например, ногайских и башкирских аристократов. Впрочем, и по отцовской ветви генеалогии Ивана Грозного были прецеденты браков с татарскими князьями и царевнами, в чьих жилах текла «благородная кровь Чингиса». Наиболее известен следующий факт: московский князь Юрий (Георгий) Данилович, брат знаменитого Иоанна I (Калиты) и внук Александра Невского был женат на родной сестре тогдашнего ордынского хана Узбека Кончаке (в крещении – Агафье) [18, т. IV, с. 453]. Существовало и множество других примеров браков русских князей, в том числе и связанных с Рюриковичами, с татарскими «царевнами и княжнами».

Необходимо заметить, что сам Иван Грозный не скрывал своего родства с чингизидами, а напротив, широко им пользовался в политических целях. Современным историками известно, что в восточной переписке Иван Грозный не упоминал, что его род восходит к «Августу кесарю», как он это делал в письмах к западным правителям, а писал о своем родстве с Чингисханом (хотя имеется и факт упоминания этого в письме Грозного польскому королю). В русской дипломатической ноте, врученной польскому и литовскому послам в 1556 г., утверждалось, в дополнение к обоснованию происхождения русского царства от византийского корня, что кроме русской земли Господь дал Ивану IV царства Казанское и Астраханское, «а трон Казанский и

Астраханский был царским престолом с самого начала» [6, с. 258]. Более того, до конца XVII в. русские цари вели переписку с главами восточных держав, используя дипломатический и парадно-канцелярный стиль сарайского двора, а грамоты, которые направлялись на Восток, украшались не византийским двухглавым орлом, а особой «тугрой русских царей» – знаком, который по своему происхождению был также связан с культурами кочевников [17, с. 24].

Мнение о родстве Рюриковичей и чингизидов было распространено среди нерусских народов в бывших ордынских владениях. К примеру, ногаи именовали Ивана Грозного «чингисовым прямым сыном» [32, с. 316–317] и «Белым царём». Это подразумевало трактовку статуса правителя Москвы как наследника ханской власти Золотой Орды. Однако, как показал Д. Островский, это обращение присутствует в посланиях, адресованных Ивану IV, но его нет в документах, исходящих от Ивана IV [50, с. 181–182]. Во всех русских текстах титул царя писался согласно московскому протоколу: «царь и великий князь всея Руси». Московиты перевели ногайские послания и оставили в них титул «белый царь». Это показывает, что Московия позволяла ногаям и другим кочевникам, например калмыкам, в XVII в. называть своего государя титулом правителя Монгольской империи, но не более того. Причем именно «позволяла» – Москва была крайне чувствительна к любым неточностям в титуле монарха. Русские дипломаты не отрицали обращения «белый хан», но и не подтверждали его уместность. Иначе Московия реагировала на попытку в некоторых ногайских посланиях, например от Белек Булат мурзы в 1551 г., объединить родословия Чингизидов и Рюриковичей [1, с. 47]. Ногайская «генеалогическая лесть» не была оценена Россией. Для нее было значимо только возведение рода русских царей от Августа кесаря [9, с. 24].

При этом не нужно думать, что сам царь Иван видел в возведении своей генеалогии к Чингиз-хану лишь хитрый политический маневр с целью привлечь на свою сторону восточные народы, уважительно относящиеся к традициям Орды.

Помимо этого, по утверждениям современных историков, ордынская аристократия и особенно чингизиды были до петровской модернизации окружены на Руси высоким почетом, что также говорит о пиетете московитов к ордынской правовой традиции. По тогдашней «табели о рангах» чингизиды стояли на Руси выше бояр и в знатности уступали лишь царю и его семейству [17, с. 25]. Ту же самую точку зрения подтверждает Б. Кузнецов: «В государевом родословце 1550-х гг. роды астраханских, крымских и казанских царей шли сразу после родов князей московского дома. Потому и в среде русской знати было особенно престижным вести свою родословную от выезжих татарских царевичей» [23]. Кроме того, бывали случаи, когда чингизиды – правда, номинально и краткое время, но с точки зрения юридического прецедента это не имеет значения – правили Русью: при Василии III (Темном) скипетр московского князя однажды перешел к татарскому царевичу Худай-Кулу, в крещении Петру Ибрагимовичу. В 1575 г. Иван Грозный передал царскую власть татарскому князю Симеону Бекбулатовичу (до крещения Саин-Булату, внуку последнего хана Золотой Орды Ахмата и прямому потомку Чингисхана), причем, по замечаниям историков, современники этого события нисколько не сомневались в законности права потомка ханов царствовать в Москве [17, с. 25].

Мы можем сделать вывод, что для степной аристократии XVI в. присоединение к Московскому царству было не вхождением в чуждое им новое государство, на которое они якобы вынуждены были пойти из соображений реальной политики. Отнюдь, многие из ногайцев, башкир, татар воспринимали расширение Московского царства как восстановление законной государственности. Только центром этого нового Белого царства стал уже не Сарай, а Москва, а его главой – Белым ханом – не монгольский хан, а православный, русский Белый царь. Так, сибирский царь Едигер в 1555 г. прислал в Москву своих послов, прося русского царя «взять Сибирь под свою руку», и стал выплачивать ясак Москве, как его предки платили Сараю [18, т. IX, с. 363]. Немало сторонников легитимности русской власти над ордынскими землями было и среди татар, так что некоторые современные историки даже говорят

не о взятии Казани войсками Ивана Грозного, а о гражданской войне в самом Казанском царстве между представителями «промосковской» и «протурецкой» партий (причем на стороне промосковской партии было немалое количество людей, так что войско Грозного, пришедшее в 1552 г. под стены Казани, более чем наполовину состояло из татар). М.Г. Худяков пишет, что лишь после того, как все попытки мирного урегулирования вопроса о вхождении Казани в состав русского государства были сорваны собственно татарскими националистами, подстрекаемыми прокрымски настроенными элементами, война против Казани со стороны России принимает завоевательный, «империалистический» характер [49, с. 133].

Казалось бы, и пространственно-территориально, и в плане политической организации, и в культурном отношении между Россией и Ордой существует множество точек соприкосновения и можно смело утверждать о том, что великая евразийская Российская империя во многом являлась наследницей другой евразийской державы – Золотой Орды.

Тем не менее, вопрос о сознательно организованной преемственности между Улусом Джучи и Московской Россией нельзя считать решённым. Так, например, известный американский историк Ч. Гальперин, проанализировав широко распространённые утверждения о преемственности между чингизидами и московской династией и сведения из московских архивов, пишет, что легковесные декларации, будто московская государственность являлась преемницей Золотой Орды, не выдерживают научной критики и должны быть пересмотрены. Московия была, прежде всего, православным христианским царством, наследником Киева и Владимира, а вовсе не Сарая. Московская Россия лишь заимствовала ряд учреждений и институтов Монгольской империи, участвовала в политической жизни татарских государств, ей был знаком бытовавший в политической практике татарских послов тезис о связи Чингизидов и Рюриковичей, но не более того. Можно уверенно утверждать, что Московия не была политическим наследником государственности Золотой Орды и ее правитель никогда не считал себя «новым татарским ханом» [9, с. 24].

Таким образом, мы можем констатировать следующее: во-первых, зафиксировано множество свидетельств влияния Золотой Орды на российскую политику, экономику, культуру, мировоззрение. Во-вторых, московские правители часто использовали эту культурно-историческую близость в целях оказания политического влияния на тюркские народы, входившие в состав Российского государства. В-третьих, для нетюркского и немусульманского населения России легитимность московской царской власти однозначно строилась на родстве с византийскими «царями», а вовсе не с татарскими. Легитимизация царской власти имела, таким образом, две стороны (как и две головы у орла, который стал символом Московской Руси) – одна, для православного населения, была связана с возведением царской династии России к византийским императорам, вторая – для мусульманского население – связана с установлением родства между династией русских царей и чингизидами.

Список литературы

1. Азнабаев Б. А. Интеграция Башкирии в административную структуру российского государства (вторая половина XVI – первая треть XVIII в.) / Б. А. Азнабаев. – Уфа, 2005.
2. Банзаров Д. Разъяснение одной монгольской надписи на серебряной дощечке, найденной в Екатеринославской губернии, в имени барона А. фон-Штиглиц / Д. Банзаров // Собрание сочинений. – М., 1955.
3. Васильев Д. В. К вопросу о роли суфизма в исламизации Золотой Орды / Д. В. Васильев // Гуманитарные исследования. – 2003. – № 6. – С. 19–24.
4. Васильев Д. В. О местоположении города Саксин / Д. В. Васильев // Проблемы археологии Нижнего Поволжья : I Междунар. Нижневолжская археологическая конф. (г. Волгоград, 1–5 ноября 2004 г.). – Волгоград, 2004. – С. 264–269.
5. Васильев Д. В. Утверждение ислама как государственной религии в Золотой Орде / Д. В. Васильев // Гуманитарные исследования. – 2002. – № 5. – С. 16–22.
6. Вернадский Г. В. Монголы и Русь / Г. В. Вернадский. – Тверь – М., 1997.
7. Владимирский-Буданов М. Хрестоматия по истории русского права / М. Владимирский-Буданов. – М. : Товарищество печатного дела и торговли И.Н. Кушнерев и К°, 1889.

8. Галиахметова Г. Г. Ислам в Золотой Орде: традиции религиозного опыта / Г. Г. Галиахметова. – Казань, 2007.
9. Гальперин Ч. Вымышленное родство: Московия не была наследницей Золотой Орды / Ч. Гальперин // Родина. – 2003. – № 12.
10. Гумилёв Л. Н. Чёрная легенда / Л. Н. Гумилёв. – М. : Айрис-пресс, 2004.
11. Давлетшин Г. М. Волжская Булгария: духовная культура / Г. М. Давлетшин. – Казань, 1990.
12. Дьяконов М. А. Очерки общественного и государственного строя Древней Руси до конца XVII в. / М. А. Дьяконов. – Юрьев, 1907.
13. Егоров В. Л. Историческая география Золотой Орды в XIII–XIV вв. / В. Л. Егоров. – М., 1985.
14. Егоров В. Л. Основные направления развития культуры Золотой Орды / В. Л. Егоров // Поволжье и сопредельные территории в Средние века. Труды ГИМ. – М., 2002. – Вып. 135.
15. Егоров В. Л. Русь противостоит Орде / В. Л. Егоров // Карамзин Н.М. История государства Российского. – М., 1992. – Т. IV. Приложение.
16. История Татарской АССР. – Казань, 1973.
17. Кадырбаев А. Византийское и золотоордынское наследие в судьбе Российской и Османской империй сходство и различия / А. Кадырбаев // Татарский мир. – 2004. – № 19.
18. Карамзин Н. М. История государства российского / Н. М. Карамзин. – СПб. : Золотой Век, 2003.
19. Каргалов В. В. Монголо-татарское нашествие на Русь / В. В. Каргалов. – М., 1966. – С. 60–69.
20. Ключевский В. О. Сочинения : в 9 т. / В. О. Ключевский. – М., 1987.
21. Костомаров Н. И. Начало единодержавия в древней Руси / Н. И. Костомаров // Собрание сочинений. – СПб., 1905. – Т. V.
22. Костококов В. П. Кыпчаки и Золотая Орда / В. П. Костококов // XIV Уральское археологическое совещание (21–24 апреля 1999 г.) : тезисы докладов. – Челябинск, 1999. – С. 165–166.
23. Кузнецов Б. Великий князь всея Русь Симеон Бекбулатович / Б. Кузнецов // Православное информационное агентство «Русская линия». Московский журнал. – 1999. – 1 мая.
24. Леонтович Ф. И. Древний ойратский устав взысканий / Ф. И. Леонтович. – Одесса, 1879.
25. Малов Н. М. Религия в Золотой Орде / Н. М. Малов, А. Б. Малышев, А. И. Ракушин. – Саратов, 1998.
26. Милоков П. Н. Очерки по истории русской культуры / П. Н. Милоков. – СПб. : Тип. И.Н. Скороходова, 1896. – Т. I.
27. Мыськов Е. П. Политическая история Золотой Орды (1236–1313 гг.) / Е. П. Мыськов. – М., 2003.
28. Мэн-да бэй-лу (полное описание монголо-татар) : пер. с кит., введ., коммент. и прил. Н.Ц. Мункуева. – М., 1975.
29. Папуто В. Т. Монгольский поход вглубь Европы / В. Т. Папуто // Татаро-монголы в Азии и Европе. – М., 1977.
30. Полное собрание русских летописей. – СПб., 1843.
31. Полное собрание русских летописей. – СПб., 1903.
32. Продолжение Древней Российской Вивлиофики. – СПб., 1793. – Ч. 8.
33. Путешествие в Восточные страны Плано Карпини и Рубрука. – М., 1957.
34. Рязановский В. А. Обзор русской культуры: исторический очерк. – Нью-Йорк, 1947–1948. – Ч. 1–2.
35. Рязановский В. А. Обычное право монгольских племен / В. А. Рязановский. – Чита : Упр. Бурят. Монгольск. авт. обл., 1921.
36. Сагалаев А. М. Алтай в зеркале мифа / А. М. Сагалаев. – Новосибирск, 1992.
37. Сергеевич В. И. Лекции и исследования по истории русского права / В. И. Сергеевич. – СПб. : Тип. М. Меркутева, 1883.
38. Соловьев С. М. Сочинения в восемнадцати книгах. История России с древнейших времен / С. М. Соловьев. – М. : Мысль, 1991.
39. Тизенгаузен В. Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды / В. Г. Тизенгаузен. – СПб., 1884. – Т. 1.
40. Тизенгаузен В. Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды / В. Г. Тизенгаузен. – М. – Л., 1941. – Т. II.
41. Токарев С. А. Ранние формы религии / С. А. Токарев. – М., 1990. – С. 266–291.
42. Трепавлов В. В. Государственный строй монгольской империи / В. В. Трепавлов. – М., 1993.

43. Трепавлов В. В. Предки «Мамая-царя». Киятские беки в «Подлинном родослове Глинских князей» / В. В. Трепавлов // Мамай. Опыт историографической антологии. – Казань: Фэн, 2010. – С. 136–171.
44. Трубецкой Н. С. Наследие Чингисхана / Н. С. Трубецкой. – М., 1999.
45. Фёдоров-Давыдов Г. А. Общественный строй Золотой Орды / Г. А. Фёдоров-Давыдов. – М., 1973.
46. Фёдоров-Давыдов Г. А. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. М., 1968.
47. Фёдоров-Давыдов Г. А. Смерть хана Бату и династическая смута в Золотой Орде в освещении восточных и русских источников (источниковедческие заметки) / Г. А. Фёдоров-Давыдов // Средневековые древности Волго-Камья. – Йошкар-Ола, 1992.
48. Хара-Даван Э. Чингисхан как полководец и его наследие. Культурно-исторический очерк Монгольской империи XII–XIV вв. / Э. Хара-Даван // На стыке континентов и цивилизаций. – М.: Инсан, 1996.
49. Худяков М. Г. Очерки истории Казанского ханства / М. Г. Худяков. – Казань: Магариф, 2004.
50. Ostrowski D. Muscovy and the Mongols: Cross-Cultural Influences on the Steppe Frontier, 1304–1589 / D. Ostrowski. – Cambridge, 1998.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ МОДЕРНИЗАЦИЯ В РОССИИ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ (СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ)

Е.Н. Мошелков
(Россия, Москва)

Статья посвящена анализу развития модернизационных процессов в России XVIII – начала XXI в. Автором отмечается важность понимания исторических процессов, содержащих аналогию современных модернизационных изменений. Успех любой политической реформы во многом зависит от того, насколько адекватно власть и общество усвоили и оценили уроки прежних реформ и революций.

The article analyzes the development of the modernization process in Russia XVIII – early XXI centuries. The author notes the importance of understanding the historical processes that contain the analogy of modern modernization changes. The success of any political reform depends largely on how adequately government and society have learned the lessons of former reforms and revolutions.

Ключевые слова: модернизация, Россия, реформы, революция, политика, экономика, власть, государство, национальный исторический опыт, компаративизм.

Key words: modernization, Russia, reform, revolution, politics, economics, government, state, national historical experience, comparativism.

Прошло больше года с того момента, когда Президент РФ Д.А. Медведев сначала в своем ежегодном (2009) Послании Федеральному собранию, а затем в статье «Россия, вперед!» провозгласил *модернизацию* страны главным лозунгом и стратегической целью современного национального развития. Но вопросы «что делать?» и «как делать?» для реализации этой задачи, дискутируются и по сей день.

Оставим в стороне критику самого термина «модернизация». Укажем только, что теория модернизации (в рамках которой и стал активно использоваться искомый термин) была разработана в мировой политической и социологической науках в 1950–1960-е гг. Эта теория описывала процесс перехода общества от доиндустриальной (аграрной, традиционной) стадии развития к индустриальной и постиндустриальной и в основном предназначалась для описания процессов в странах «третьего мира». Позднее в политическом (прежде всего, в околонучном) дискурсе понятие «модернизация» стало приобретать более широкие смысловые значения. Под модернизацией стали понимать всякое усовершенствование, обновление, улучшение общественных систем, а более конкретно – преодоление экономико-технологического отставания определенных стран от наиболее развитой в экономическом отношении части мира. Именно в этом значении (или близкому к этому) термин «модернизация» применяется и сейчас для обозначения и характеристики намеченных преобразований в России.

Но не будем концентрировать внимание на понятийной стороне вопроса, тем более, что научные политологические и социологические термины в современных